

Вновь.

Я слышал слова, но тьма не уходила. Она окутала меня, как одеяло, заглушая восприятие глухим стонущим гулом. Я прижался к пустоте и погрузился в нее. Странно, но она уже не была такой страшной, как раньше. Она казалась знакомой.

Она ощущалась безопасной.

Огромное чёрное чудовище поднялось из чёрного бассейна, тёмная материя стекала с колоссальной формы. Ощущения от этого не изменились. Когда-то от чудовища исходила аура рептилии, как у драконов минувших десятилетий. Теперь, у меня чуть больше определений, оно могло бы легко сойти за звероподобную лошадь, внешний вид которой был в равной степени чужим и лошадиным.

— Почему ты здесь? — Оно повторило тот же вопрос, что и когда-то давно, и этот вопрос завладел всем моим сознанием.

Я открыл рот, чтобы ответить, и с удивлением обнаружил, что, в отличие от прошлого раза, могу это сделать.

— Потому что боги жестоки. — Слова прозвучали с горечью. — Я здесь, потому что боги решили, что будет забавно сделать труса героем.

— Ммммм... — Огромное черное чудовище затряслось. Это могло означать что угодно, но почему-то это было похоже на гнев. — Неверно. Ты здесь, потому что еще не усвоил урок.

— Какой урок?

Чудовище наклонилось, пока передо мной не осталась лишь массивная стена почерневшей плоти. — Цикл должен закончиться. Это главное. Твоя жизнь не имеет значения. Жизни тех, кто тебя окружает, не имеют значения. Важно лишь, чтобы цикл завершился, и этот мир смог прийти к своему естественному завершению.

Всплеск гнева прорезался сквозь ужас. — И что тогда остаётся? Сдаться? Позволить Тоте победить? Не понимаю. — Как только прозвучало ее имя, черное чудовище, казалось, задрожало от отвращения.

— Опора должна быть уничтожена. — Чёрное чудовище прорычало. — Пока она существует, этот мир будет вечно находиться в стазисе, а его боги не смогут вернуться в космос.

— Подожди. Тота — это опора? — Даже в туманных потемках своего разума я понимал, что это важно. Здесь было так трудно мыслить ясно. — И что будет, если она умрет?

— Опора должна быть уничтожена, — повторило черное чудовище тем же тоном.

Похоже, я не собирался получать больше полезной информации. Тем не менее время для этого было странным. — Почему ты рассказываешь мне всё это сейчас? До этого было много возможностей.

Чудовище не ответило. Вместо этого перед моим мысленным взором промелькнула серия образов. Я увидел себя со стороны. Я лежал в лазарете на спине, руки лежали на одеяле. Сначала показалось, что я сплю. Но глаза были открыты и пусты. Я уставился в потолок. Из рта текла струйка слюны.

Неттари держала меня за руку, а Кильвиус вытирал пот с моего лба тряпкой, держа Агарина другой рукой.

— Есть новости? — У Неттари под глазами были глубоко запавшие мешки, а цвет лица изменился.

Кильвиус покачал головой, его лицо было мрачным. — То же самое, что и раньше. Физически с ним все в порядке. А вот с разумом — другая картина.

— Может быть, стоит позвать Майю.

Кильвиус фыркнул. — Маги жизни обладают большими возможностями. Сомневаюсь, что она сможет сделать что-то, чего не смогут они.

— Дело не в этом, Ниленд. То есть, может быть, она и сможет что-то изменить, но это лишь попытка. — Неттари потерла лоб обеими руками. — Они близко. Возможно, услышав ее голос, что-то изменится.

Пока Кильвиус обдумывал это, он уложил Агарина рядом со мной на кровать в лазарете. Агарин зашевелился, приподнялся на коленях, чтобы погладить меня по животу. — Думаю, ты права. Но... давай дадим ему еще немного времени, Нэт. Эльфийка-целительница Ралакоса может изменить ситуацию, когда придет сюда.

— Еще неделя. Потом найдем кого-нибудь, чтобы найти Майю и вернуть ее, — сказала Неттари. Кильвиус поднял Агарина и ушел. После минутного раздумья Неттари наклонилась ко мне, нахмурила брови, ее монотонный голос звучал серьезно.

— Сентиментальность — не мой конек, но вот что скажу. Джорра спрашивает о тебе каждый день. Он действительно привык, что ты рядом. — Неттари вытерла глаз. — Знаешь, ты всегда удивлял меня. С того самого первого дня. Мы не принимаем гостей, ты же помнишь, в какой разухе был наш дом. Мысль о том, чтобы привести в мой дом королевскую особу — независимо от обстоятельств, приводила меня в ужас. Мне было так стыдно. Но ты не задрал

нос, ни в малейшей мере.

Рот Неттари слегка приподнялся.

— Сначала я подумала: — О, он просто вежлив. — Потом мы сцепились на суде. Когда Ралакос попросил тебя остаться с ним, я думала, что ты согласишься. В конце концов, ты видел наш дом, как мы живем. Зачем жить в лачуге, если можно жить в особняке? И все же ты снова меня удивила. — Она сжала мою руку. — Ты для нас как семья. Может, это глупо, а может, и нет. Всё, о чем я прошу, это чтобы ты удивил нас в последний раз.

Повисла тишина, пока я наблюдал за происходящим со стороны.

Неттари, казалось, внезапно зашевелилась, взгляд переместился в сторону окна на что-то за пределами моего поля зрения. — Что там происходит?

Аурическое солнце окрасилось в красный цвет.

— Не хочу этого видеть, — сказал я, оглядываясь по сторонам в поисках черного чудовища.

— Похоже, ты думаешь, что если спрячешься в недрах своего разума, то ничего не случится. Что ты можешь просто перестать существовать.

— Пожалуйста, прекрати.

Демоны разрывали Неттари, словно она была сделана из бумаги.

— Опора должна быть уничтожена.

Кильвиус упал на землю весь в брызгах крови, прижимая Агарина к своей груди.

— Ты не сможешь спрятаться.

Джорра открыл дверь, увидев мальчика, похожего на меня. — Кэрн! Ты вернулся!

Я вонзил меч ему в живот. Он не вскрикнул. Просто уставился на меня так, словно это не могло быть правдой, словно разум разыгрывал его.

— СТОП!

— Это уже произошло. Ты слишком долго спал.

Я наблюдал за этим, снова, и снова, и снова.

Три раза я лежал в коме.

Трижды они умирали с криками, залитые кровью, пока я бесплотный парил.

Трижды я подвел их.

Вновь.

Огромная фигура отпрянула от меня, отводя руки назад. Терос отступил от лазаретной кровати, как будто ему угрожала ядовитая змея.

— Я ничего не делал... — начал Терос.

Кильвиус оттолкнул его в сторону, хотя на самом деле более крупный мужчина едва пошевелился.

— Кэрн, ты очнулся! — В голосе Кильвиуса слышалось облегчение.

Я вернулся. Эта мысль наполнила меня ужасом и облегчением в равной степени.

— Где Неттари? Где Агарин и Джорра? — Я быстро обвел взглядом комнату полдюжины раз, паника вызвала желчь во рту.

Энтузиазм Кильвиуса сменился недоумением. — Неттари забрала Агарина домой на некоторое время, Кэрн. Всё хорошо...

— Какой сегодня день? — прервал я его, стиснув зубы и крепко ухватившись за одеяло.

Кильвиус, казалось, понял, насколько важной была для меня эта информация. Он поблагодарил Тероса за помощь, а крупный мужчина выскользнул через дверной проем и неловко помахал мне рукой в ответ.

Затем он пододвинул стул и сел рядом со мной. — Сегодня тринадцатое, Кэрн.

Одиннадцать дней. Одиннадцать дней уже потеряно.

Ветер поднялся вокруг меня, зашевелил несколько листов бумаги и опрокинул металлическую столешницу.

Кильвиус не дрогнул. Он осторожно положил руку на мое запястье. — Всё хорошо. Ты в безопасности. — Это прикосновение успокаивало. Я почувствовал, что слезы снова подступают к глазам.

— Ты просто упал в обморок, через несколько минут после того, как Майя ушла. Мы с Неттари подумали... — Кильвиус сделал паузу. — Ну, мы подумали, что это могло быть что-то другое. Можешь рассказать, что случилось?

У меня было видение.

Слова застряли в горле. Как бы это ему объяснить? Что? Что у меня было видение, и оно ввело меня в кому?

Нет. Это бессмысленно.

— Не знаю, — оцепенело сказал я, слишком уставший, чтобы выдумать лучшую ложь.

— Это важно, Кэрн.

— Я не знаю, черт возьми! — закричал я на него. Хотелось разразиться бранью, но от того, как Кильвиус отшатнулся, у меня заболел живот. — Всё как в тумане, — сказал я, мой голос был лишён эмоций.

— Все хорошо, — сказал Кильвиус. Он потянулся, чтобы обнять меня. От его прикосновения меня затошнило. Мне не нужно понимание. Не нужно сострадание. Это были бесполезные эмоции, и ни одна из них не поможет справиться с этим.

Свет снаружи казался необычайно ярким. Всё в лазарете, что было плохо выверено, раздражало меня ещё больше, а туман затуманивал мои мысли.

— Можешь ли позвать мага жизни, чтобы он вылечил мою голову? — спросил я.

Кильвиус моргнул. — Они уже сделали это, Кэрн. Поэтому Терос и был здесь. Чтобы узнать, не будет ли у альтернативного элемента больше шансов пробудить тебя.

Плохо. Ужасно, на самом деле. То, что я чувствовал сейчас, было хуже того, что я чувствовал сразу после того, как Кастратот пресёк мою попытку побега в Эвервуде.

Что-то мелькнуло на краю зрения, и я подскочил. Показалось, будто там стоит архидемон и смотрит на меня.

Я молча наблюдал, как женщина начертывает свое демоническое имя на моей плоти: росчерк скальпеля был каллиграфическим пером, а вытекающая из меня кровь — чернилами. Снова и снова она спрашивала меня об одном и том же.

— Что случилось с твоей душой, маленький человечек?

Я судорожно рассказывал ей о повреждении души из-за чрезмерного использования демонического пламени, но это ее не устраивало. Она резала, резала и резала, пока мои объяснения не превратились в сотни лжи, что угодно, лишь бы заставить ее остановиться, но она не верила мне, что бы я ни говорил, просто поднося перо к губам и оттачивая кончик, прежде чем снова начать писать...

— Кэрн? Кэрн. — Кильвиус осторожно встряхнул меня, его глаза были наполнены беспокойством. Я не заслуживал его доброты.

Я не хотел его доброты.

— Оставь меня, — сказал я, дрожа всем телом.

Кильвиус выглядел растерянным.

— Мне нужно подумать. В одиночестве, — сказал я. Мой голос углубился до тембра, который не был моим, но я слышал его много раз, на протяжении всего детства.

Кильвиус медленно встал. — Я вернусь позже.

Я ничего не ответил.

Я шел босиком по анклаву. Практически все, мимо кого я проходил, останавливались, чтобы поглазеть, намекая на то, какую причудливую картину я собой представляю. Мои босые ноги натерлись о тротуар, но все же я шел дальше, следуя по знакомому пути к поверхностным пещерам.

Тени и шепот преследовали меня на каждом шагу. Я слышал, как они смеялись, насмехались надо мной. Издевались над моей слабостью. Напоминали о том, как я умолял, снова и снова, чтобы это закончилось.

Майя. Я хотел вернуть Майю.

Мысленно погрузившись в глубины воспоминаний, я оказался в пещере на поверхности, в которой мы с Джоррой тренировались. Вдалеке виднелись соломенные мишени.

Я позволил мане хлынуть в меня потоком. Это не принесло покоя. Ничто не приносило покоя. Я выдохнул воздух и начал плести заклинание. Затем выпустил его.

Снова и снова невидимая линия сжатого воздуха ударялась о цель, кусочки пожелтевшей соломы разлетались в стороны.

Этого было недостаточно, даже близко. Но прогресс был налицо.

Я выпускал снаряд за снарядом, пока зрение не начало сереть по краям, а разум — гудеть.

Обессиленный, я погрузился в кристальное озеро. Услышал голос отца. Он смеялся надо мной. В своем сознании я видел, как он склонился над мелким бассейном, скрестив руки.

— Слабак.

Впервые в жизни я полностью согласился с ним. Я был слаб. Боялся потерпеть неудачу. Боялся умереть. Демоны показали, насколько бесполезен этот страх.

Было кое-что, что нужно было сделать. Кое-что критически важное. Эта перезагрузка была почти наверняка потеряна, но это не меняло того факта, что нельзя допустить повторения того, что случилось со мной.

Никогда впредь.

Я вернулся в пустой дом и собрал всё свое золото. Затем, надев одежду, оставил маску и направился в Тулианский район.

Там было много заклинаний, которые я хотел начертать.

Но одно выделялось среди остальных.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2479354>